

ориентировочное название следующего романа,— делилась Н. своими замыслами на встрече с читателями,— я хочу написать о Бахиреве, как он будет работать директором завода...» (ЦГАЛИ. Ф. 2292. Оп. 1. Ед. хр. 58). Но тяжелая сердечная болезнь не позволила Н. осуществить этот замысел. В качестве продолжения романа была написана глава «Тина», опубликованная посмертно в виде рассказа. Мн. произведения Н. опубликованы посмертно: стих., поэма «Любовь», лирико-философский дневник «Наш сад», отрывки из неоконченного романа «Сильное взаимодействие».

Имя Н. принадлежит к славной плеяде женщин-писательниц, живших и работавших в одно с нею время: Вера Кетлинская, Вера Панова, Мариэтта Шагинян...

Соч.: Николаева Г. СС. Т. 1–3. М., 1972–73; СС: в 3 т. М., 1987–88; Гибель командарма и другие рассказы. М., 1983; Стихи. М., 1984; Битва в пути: роман. 1-е изд. М., 1958; 2-е изд. М., 1987; Завещание: Повести. Рассказы. Поэма. Стихи. Томск, 1990.

Лит.: Абрамов Ф. Люди колхозной деревни в послевоенной прозе // Новый мир. 1954. № 4; Трифонова Т. Книга, о которой спорят // Новый мир. 1958. № 3; Злобин С. Битва в пути // Знамя. 1958. № 6; Хватов А. Пути изображения характера // Нева. 1959. № 7; Леболь Г. На новом этапе // Вопр. лит.-ры. 1959. № 7; Фоменко Л. О мастерстве романиста // Москва. 1959. № 8; Бурсов Б. Писатель как творческая индивидуальность // Звезда. 1959. № 8; Пичурин Л. Путь к «Битве...». Страницы жизни Г. Николаевой. Томск, 1986; Инбер В. Галина Николаева и ее читатели // Лит. газ. 18 февр.; Воспоминания о Г. Николаевой / сост. О. Тимофеева. М., 1984.

Л. В. Соколова

НИКОЛАЕВА Олеся (настоящее имя и отчество Ольга Александровна) [6.6.1955, Москва] — поэт, прозаик, публицист.

Родилась в семье А. М. Николаева, поэта-фронтовика, издательского работника. Среда, окружение, образ жизни московской лит.-худож. интеллигенции нашли отражение в творческом поведении, тематике, мировоззрении Н.

Н. окончила Лит. ин-т им. М. Горького (1979), где с 1989 руководит поэтическим семинаром, а в 1990–91 читала спецкурс «История русской религиозной мысли». Стихи начала писать с 7 лет, прозу — с 15. Первая публикация — в ж. «Смена» (1972. № 3). Стихотворения, новеллы, эссе Н. публиковались в альм. «День поэзии», «Чистые пруды», в ж. «Новый мир», «Знамя», «Арион», «Огонек», «Волга», «Родина», «Вестник РХД» и др.

О. Николаева

Стихи, вошедшие в первую книгу Н. «Сад чудес» (М., 1980), отмечены открытостью, распахнутостью, свойственной настроениям «молодежной» поэзии 1960-х с ее антимещанским пафосом и интеллектуализмом. Некоторые особенности поэтики Н.: описательность, перечислительность, интерес к «длинным» размерам и жанру стих. в прозе, эстетизация многочисленных бытовых реалий и попытка увидеть в них метафизическое начало — отчасти закладываются уже в пору «Сада чудес» под влиянием разных традиций: от В. Ходасевича, О. Мандельштама и Б. Пастернака до Ю. Левитанского.

Более явственно поэтика Н. обнаруживает себя в ее второй книге стихов «На корабле зимы» (М., 1986), позволяющей возводить генезис ее творчества не только к традициям русской поэзии Серебряного века, фольклору, но и к церковной литургической поэзии: именно здесь начинают угадываться интонации и ритмика псалмов, риторические фигуры канонов, перечислительные нанизывания и «плетения словес», причастные и отглагольные предрифмы, свойственные акафистам («Возвращение»: «...А когда-то и я — дорогой ценной тебя откупавшая, / многих ангелов отогнавшая, многих демонов раздражившая, / от отцовских благословений давно отпавшая / и для чаяний материнских давно отжившая, — / с легким сердцем гляну на луговое-пашенное, / лесопарковое, садопустынное, петроводальнее, / к звездам воздетое, снегом с дождем приукрашенное / гнездо мое несравненное, невесомое, беспечальное...»).

Н.— православная христианка. В 1982 она была на послушании в Пюхтицком монастыре, в 1987–89 — тещом и певчей в Преображенском храме Переделкино. В 1991–93 преподавала древнегреческий яз. иконописцам Псково-Печерского монастыря (см. эссе Н. «**Пора учить древнегреческий**» // Московские новости. 1991. № 39). В 1995 работала личным шофером игумены Серафимы в Новодевичьем монастыре. Муж Н., журналист, критик В. Вигилянский, в 1995 был рукоположен в дьяконы, а потом в священники Русской Православной Церкви.

Христианская просвещенность, представления об эстетической убедительности православия и церковной жизни в значительной мере определили своеобразие стиля зрелой Н., причем тематика и поэтика ее стихов и прозы 1980-х связаны с сознательным и деятельным отстаиванием христианских ценностей в обществе. В поэме «**Августин**» (Здесь. М., 1990) сошлись и самоирония, и установка на великодушие. История солдата-дезертира, выдающего себя за монаха Августина и прячущегося у рассказчицы, атмосфера московской интеллигентской среды дополняется метафизическим комментарием событий с позиций христианской онтологии, составленным по мотивам Писания и творений святых отцов. В изречении Исаака Сирина («...осуждающий своего брата / сам скорее впадёт в подобное прегрешенье») заключена и одна из основных мыслей «Августина».

Вобравшая произведения 1989–96 книга стихов Н. «**Amor Fati**» (СПб., 1997) в полной мере отражает свободное эстетизированное мировосприятие автора. Формула *amor fati*, трактуемая Н. как «любовь к скорбям», у стоиков означала добровольное следование судьбе. Прямые и косвенные цитаты указывают на творческие истоки Н. Ее верлибры и рифмованный стих зачатую напоминают т. н. молитвенный стих, восходящий к библейским текстам. Н. отдает предпочтение не классическим метрам, а в основном акцентному стиху («**Рождение стихотворения**»: «Иногда мне кажется: ненавижу. Иногда мне кажется: презираю. Иногда мне кажется: лучше нажраться мяса и выbleвать под кустом. / Выболтаться до зияющей юродивой речи на пустыре посреди бурьяна! / Проговориться в поле невнятиц под гудящей высотой у бессвязной межи! / Проболтаться, оговориться, выронить, словно платок из кармана, / слово, из которого вырастают, как пальцы, предлоги, флексии, приставки, творительные, предложные падежи!...»).

Акцентный стих у Н. оказался не только жизнеспособным, но и приоткрыл новые ху-

дож. возможности русской поэзии, представляемые как за счет генезиса, тесно связанного с духовной лит-рой, жанрами церковной гимнографии и их составными частями: канонами, кондаками, икосами, ирмосами, так и за счет общей тенденции совр. стиха к освобождению от косных «правил» советской поэтики.

Излюбленные Н. композиционно-синтаксические приемы — обращение, анафора, параллелизм, нагнетание, амплификация — заимствованы из репертуара риторических фигур «слов» отцов Церкви («**Или**», «**Гимн свету**», «**Семь начал**», «**Похвала Ольге**», «**Три сестры**»). Как отмечают А. Машевский и А. Пурин (Письма по телефону. С. 209), прозаизация поэтического мира совмещается с блистательным звукорядом, религиозное послушничество — с подлинностью мирских чувств, бытописательство — с историзмом («**Отрывки**»: «...В России судьба иностранца трагична, комична <...> Он принят по высшему чину, как ангел, сошедший с небес, / и он же — взашей и в спину крестом изгоняем, как бес. / И то здесь страсти Голгофы окончат над ним самосуд, / то в лучших российских покоях присягу ему принесут...»).

И. Роднянская назвала эстетику Н. «эстетикой средневекового „реализма“, где всякое жизненное обстоятельство места и времени высвечено, по законам обратной перспективы, лучом „оттуда“, где всякое фактическое „здесь“ обеспечено значимым „там“, где все тутошние узлы развязываются в загробное утро вечности» (Роднянская И.— С. 211). Это перекликается с определением Вольфа Шмидта, профессора-слависта Гамбургского ун-та: в своем представлении Н. на премию-стипендию Альфреда Топфера (1998) он назвал направление ее творчества «мистическим реализмом» (личный архив Н.). Это не символизм с его скудным, фиксированным, оспоренным акмеистами словарем и условными рядами «соответствий», это «именно здоровый „реализм“, как его понимало искусство христианского средневековья, когда аллегоричность и притчеобразность не были помехой самой фактурной вещественности» (Роднянская И.— С. 211).

Одним из важных мотивов поэзии Н. является сама суть стихотворчества («**Начинается поединок заглавных букв...**», «**Письмо другу**», «**Когда-то и я учила мертвые языки...**», эссе «**Слово и безмолвие**» // Вопр. лит-ры. 1996. № 5). Н. приходит к выводу: «поэзия... обретает родство с православным „внутренним деланием“, восстанавливающим нарушенный „энергичный образ“

человека. И творческое вдохновение, и божественная благодать — те энергии, которые могут быть восприняты художником и подвижником. Источник у них — один, и цель у них тоже одна — преображение» (**Поэзия как энергия** // Знамя. 2001. № 2).

В стихах Н. выстраивается образ автора — человека, умудренного духовным разумением. Двухслойная жизнь, которую ведет героиня, когда сочетаются юродство и эстетство, игра и молитва, — не разрушает этот образ, а, напротив, снимает с него налет учительства. Постигание неизменного «внутреннего человека», вечного человека остается главным худож. заданием Н.

Новый поворот в стихах Н. отразился в шестой книге поэта **«Испанские письма»** (М., 2004). Преображенная испанским антуражем, по-новому вывleяется совр. российская действительность, искверканная пошлым представлением о любви и свободе, но жаждущая восстановить поруганный путь в Небесный Иерусалим.

Первая книга повестей Н. **«Ключи от мира»** (1990) была посвящена московской интеллигенции. Повести, вошедшие в книгу, и последующие рассказы (**«Лучший друг опального князя»**, 1994; **«Агент страхования»**, 1995) представили прозу Н.— ироничную, порой беспощадную, но правдивую. В 2003 Н. опубликовала журнальный вариант романа **«Мене, текел, фарес»** (Знамя. № 5), за который получила премию ж. «Лучшая проза года». Так же как и роман **«Инвалид детства»** (Юность. 1990. № 2), как и повесть **«Кукс из рода серафимов»** (Знамя. 1993. № 1) роман продолжает авторскую традицию худож. осмысления взаимоотношений религии и общества, Церкви и интеллигенции. В аннотации к нему говорится: «Основные герои — православные монахи — самая обделенная вниманием прозы категория наших современников. Отсюда — необычность, даже экзотичность романов Олеси Николаевой, сочетающих в себе драматичность повествования, остроту сюжетных поворотов, юмор и самоиронию». Но то, что иным кажется экзотикой, для автора — естественная среда: монастыри на далеких заснеженных просторах и сверкающих московских улицах, иконописные мастерские, пустыньки, отшельнические скиты, куда так стремятся некоторые герои. Книга открыла незнакомый многим мир православного монашества, показала, что жизнь в ограде Церкви полна напряженности, драматизма и юмора не менее, чем светское бытие. Автор мастерски сталкивает два мира, какими их видит при-

метливая и острая на словцо героиня. «Мене, текел, фарес» — грозные библейские слова читаются тут предупреждением о грядущем конце «царств», где оскудела любовь.

Богословско-философские и культурологические обоснования своего мировоззрения нашли отражение в книгах эссеистики Н.: **«Современная культура и Православие»** (1999) и **«Православие и свобода»** (2002): «Трезвое понимание эпохи, в которую мы живем, может предостеречь от некоторых тонких и завуалированных соблазнов, которыми переполнена современная жизнь, и хотя бы отчасти отразить ее агрессивные посягательства на душу каждого человека» (Православие и свобода. С. 380). Н. освобождает слово «свобода» от идеологических коннотаций и обращается к свободе как к фундаментальному понятию христианской антропологии.

В представлении на получение Пушкинской премии 2004 комиссии по Гос. премиям редколлегия ж. «Новый мир» заключала: «Литературная и общественная деятельность Олеси Николаевой связана с отстаиванием христианских ценностей в атеистическом постхристианском мире. Такой главной ценностью является для поэта собственно человек — с его неповторимой бессмертной душой, богоподобной свободой, творческим даром и уникальной судьбой» (Архив редакции ж.). Эта формулировка послужила, однако, препятствием для утверждения Н.: в самый последний момент премия была вручена совершенно др. поэту, даже не прошедшему по голосам предварительную лит. комиссию.

Н. выступала также с многочисленными лит.-критическими эссе, интервью, публицистическими статьями, посвященными проблемам культуры, религии, Церкви. Стихи, эссеистика, проза Н. переводилась на английский, французский, немецкий, итальянский, китайский, японский и др. яз. Была участницей поэтических фестивалей в Париже и Гренобле (Франция, 1988), Нью-Йорке (США, 1991), Солерно (Италия, 1992), Кельне (Германия, 1997). Н.— лауреат лит. премий: Пушкинская премия-стипендия Альфреда Топфера (1998), премия имени Бориса Пастернака (2002), премия «За лучшую прозу года» ж. «Знамя» (2003).

Соч.: Автобиография // Писатели России. Автобиографии современников. М., 1988; Сад чудес: стихи. М., 1980; На корабле зимы: стихи. М., 1986; Здесь: Стихи и поэмы. М., 1990; Ключи от мира: повести. М., 1990; Смоковница: Стихи и переводы. Тбилиси, 1990; Rien d'autre que la vie: [стихи]. Paris, 1991; L'infirme de naissance: roman. Paris, 1993; Amor fati: стихотворения

1989–1996. СПб., 1997; Анфилада: сб. стих. Potsdam, 1997; Современная культура и Православие. М., 1999; Православие и свобода: Сб. статей. М., 2002; Мене, текел, фарес: Романы, рассказы. М., 2003; Испанские письма. М., 2004.

Лит.: Самойлов Д. [Рец.] // День поэзии-1974. М., 1974; Искандер Ф. [Рец.] // Огонек. 1987. № 21; Марченко А. У жизни женское лицо // Новый мир. 1987. № 12; Ажгихина Н. Разрушители в поисках веры // Знамя. 1990. № 9; Степанян Е. Понятный смысл правдивых разговоров // Континент. 1993. № 74; Машевский А., Пурин А. Письма по телефону, или Поэзия на закате столетия // Новый мир. 1994. № 7; Невзглядова Е. Все зависит, как в музыке, только от пауз, акцентов // Арион. 1998. № 3; Роднянская И. Здесь и там // Новый мир. 1998. № 11; Кырлежев А. Перед лицом огня... // Русская мысль. 1999. № 4270; Нефагина Г. Л. Русская проза второй половины 80-х — начала 90-х годов XX века. Минск, 1998; Гостев Алексей, священник [Рец.] // Новый мир. 1999. № 11; Варва В. Культура в зеркале христианской эсхатологии // Образовательный вестник. 1999. № 1; Фаликов И. Плюсквамперфект // Арион. 1999. № 1; Анненский Л. Ни порвать, ни расстаться // VIP-Premier. 2000. Март-апр.; Дунаев М. М. Православие и русская лит-ра. Часть VI. М., 2000; Бак Д. Просто сложно просто // Арион. 2001. № 2; Табачникова О. Реплика с места // Знамя. 2001. № 11; Кураев Андрей, дьякон [Рец.] // Фома. 2002. 19 июня; Герасимова Л., Герасимова Н. Глубина свободы // Новый мир. 2003. № 1; Варламов А. [О романе «Инвалид детства»] // Фома. 2003. 19 февр.; Кучерская М. Фиалковое сияние // Российская газ. 2003. 19 мая; Немзер А. К вопросу о сострадании // Время новостей. 2003. 22 мая; Шайтанов И. В «конце века» — в начале тысячелетия // Арион. 2003. № 4; Мартыненко О. Испытание игумена Ерма // Московские новости. 2003. 19 авг.; Басинский П. О монахах с любовью // Россия. 2003. 11 дек.; Григорьева А. [Рец.] Мене, текел, фарес // Седьмой континент. 2004. Янв.; Рахаева Ю. Коня на скаку остановим и все такое // Вечерняя Москва. 2004. 3 марта; Новик Вениамин, игумен. Эти китайцы не настоящие; Басинский П. Самые искушаемые // Лит. газ. 2004. № 9; Большаков М. Две книги для свободных умов // Татьянин день. 2004. № 1; Бузынкина В. Олеся Николаева. [Рец.] Мене, текел, фарес // Нескучный сад. 2004. № 1; Винников В. Все, как у людей // День лит-ры. 2004. № 5.

А. В. Витте, В. И. Славецкий

НИКОЛЬСКАЯ Анна Борисовна [1(13).12.1899, Петербург — 21.11.1977, Алма-Ата] — прозаик, переводчик.

Дочь Б. В. Никольского; крестница Г. В. Чичерина, в 1905 порвавшего отношения со своим отцом по политическим мотивам. После окончания в 1917 первой на курсе с золотой медалью Александровского ин-та (привилегированного учебного заведения для

благородных девиц) поступила в Харьковский ун-т, в течение года не имея сведений о родных. В нояб. 1918 приехала из Харькова в Петроград, оформив перевод в Воронежский ун-т. После расстрела отца с авг. 1919 на попечении Н. остались тяжелобольная мать и младший брат Роман, впоследствии отрекшийся от семьи, ставший сотрудником ОГПУ и расстрелянный в 1937. Поездка в нач. 1921 в Москву к Чичерину (в ходе которой Н. познакомилась со Сталиным) реальною помощью не увенчалась. Чтобы выйти из категории лишенцев и заработать трудовой стаж, в начале 1920-х Н. работала на Волховстрое, где организовала общеобразовательные курсы для рабочих. Производственный стаж дал ей возможность поступить на ф-т общественных наук ЛГУ, откуда ее периодически исключали за происхождение; по окончании она была оставлена в аспирантуре Науч.-исследовательского ин-та сравнительного изучения лит-ры и языка Запада и Востока при ЛГУ, из которой в 1930 была исключена как чуждый элемент.

Прекрасно владевшая французским, немецким и славянскими языками, Н. занималась переводами, среди них — «Принц Каффар» Ж. Дюамеля (Л., 1925), а также преподавала в ликбезе, партшколе и Ин-те истории искусств (науч. стаж — с 1924). Н. участвовала в ряде фольклорных и этнографических экспедиций Академии наук, читала в университете курсы палеографии и древнерусской лит-ры. Ученица В. Н. Перетца и деятельная участница его семинара с 1922 Н. работала над монографическими «очерками по истории стиля в древнерусской литературе», которые, по ее замыслу, должны были состоять из 2 частей, посвященных соответственно изображению природы и внешности человека в древнерусских лит. памятниках. Работа заслужила похвалу А. В. Луначарского, ходатайствовавшего об ее издании со своим предисл. (Ровенский. — С. 62). С конца 1920-х — науч. сотрудник Комиссии древнеукраинской письменности при Всеукраинской Академии наук, что позволяло ей сохранять определенную независимость от идеологических кампаний конца 1920-х, сильно проредивших ленинградскую академическую науку. В 1931 по рекомендации Н. Я. Мара Н. была принята на должность старшего палеографа Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР (куда она в 1919 передала архив отца; ныне в ГАРФ и РГИА); впоследствии в ее ведении также находился кабинет инкунабулов и хранение особо ценных фондов. Летом 1933 бы-